

ок, мелодий, слова

На аплодисменты

ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

НЕ ВЫХОДЯТ...

Театра без актера не бывает. Это так. Но театра не может быть и без машиниста сцены, парикмахера, осветителя, портного... И все они полноправные участники сценического действия. Разве что на аплодисменты не выходят.

Я расскажу вам про трех представителей этих профессий, про тружеников Большого театра Белорусской ССР, которые вот уже более четверти века помогают артистам в творчестве.

И платье для Аиды

«Для актрисы очень важно верить в мастерство костюмера. Иногда во время спектакля буквально в считанные секунды, как говорится, на ходу приходится что-то закреплять иголкой с ниткой.

Балерина должна быть абсолютно уверенной в каждом стежке. В мастерство Стефаниды Филипповны я верю. Всю жизнь она меня одевает...»

Из рассказа народной артистки БССР Л. БРЖОЗОВСКОЙ.

...Гастрольный спектакль. По чьей-то оплошности в Минске были забыты газовые шарфы, без которых одна из сцен «Баядерки» теряла всякий смысл. И тогда Стефанида Филипповна Щербинская перебрала в памяти имеющиеся женские наряды... Похожие шарфы были «подолжены» в другой постановке.

Было это давно, но Стефанида Филипповна живо помнит этот случай, потому что...

— Потому что такое случается исключительно редко. Театр — сложное, выверенное по минутам и секундам производство, в котором каждый знает свою задачу, — говорит она. — Сегодня вечером идет опера «Аида». Значит, я должна подобрать наряды героев этой оперы, принести их со склада, если нужно, почистить, отгладить...

Мы поднимаемся на четвертый этаж здания театра, подходим к одной из дверей, и Стефанида Филипповна открывает передо мной... царство женских нарядов! Каждое платье — по оригинальному эскизу. А какая гамма расцветок! Глаза разбегаются. Платья висят на длинных металлических кронштейнах, протянувшихся в два «этажа» от стены к стене: наряды Лизы и старой графини из «Пиковой дамы», Маргариты из «Фауста»,

Любаши и Марфы из «Царской невесты»... Тысячи костюмов!

— Как вы тут разбираетесь?..

Рука Стефаниды Филипповны ныряет в складки одного из нарядов, и вот она — небольшая меточка с фамилией певицы и названием спектакля.

— Надписи, как видите, есть. Только мне читать их не нужно. Я с закрытыми глазами найду все, что надо.

Сколько артисток — дебютанток, заслуженных, народных — одевали ее руки! Певицы Лидия Галушкина, Софья Друкер, Тамара Нижникова, Тамара Шимко, балерины Нина Давиденко, Алла Корзенкова, Лидия Ряженкова, Ирина Савельева... И сегодня под ее опекой — ведущие солисты театра: двадцать две певицы и пять балерин.

С почтительным уважением Стефанида Филипповна несет в костюмерную наряды Амнерис, Аиды, Верховной жрицы. Жрицу сегодня впервые поет Людмила Кривенюк, и Щербинская подготовила для нее два платья — на выбор. Певица примеряет одно, другое и, обернувшись к Стефаниде Филипповне, спрашивает:

— А какое лучше? Как вы считаете?..

Как причесывают «Годунова»

«Попросил как-то Савелия Борисовича Пихасика сделать из меня более «красивого» Красса. Он учел просьбу, и к очередному спектаклю «Спартак» «нарисовал» Крассу прямо-таки привлекательное лицо. Но... тирани все-таки остался тирани! Его суть читалась в каждой черточке».

Из рассказа народного артиста БССР В. САРКИСЬЯНА.

Мужская гримерная... В кресло Савелия Борисовича садится Александр Римащевский, танцующий сегодня Гирея в «Бахчисарайском фонтане». Мастер прячет волосы артиста под специальным париком, приклеивает бородку, подрисовывает какую-то неожиданную дугу под нижней губой, накладывает тени, и — просто чудеса какие-то! — приветливое лицо артиста становится самоуверенным, властным. Уже и голову держит он чуть иначе. Будто с каждым мазком художника-гримера все более входит в образ.

— А борода не отклеится? — провоцирую я. Гирей — Римащевский, метнув в мою сторону выразительный взгляд, бросает:

— Сработано мастером.

А потом его место в кресле занимает Нурали — подданный хана.

— Почему я клею Нурали почти гиреевскую бородку? — спрашивает Савелий Борисович и сам же отвечает: — Слуги обычно любят копировать своих хозяев...

Пока он «называет» свиту Гирея, с кресел гримеров Валентины Луквич-

ны Розенберг, Клавдии Юрьевны Подвиженской и Елены Владимировны Ильиной один за другим встают воины татарского хана. И когда гримерная, только что гудевшая от голосов раскосых воинов, вдруг затихает, словно прислушиваясь к третьему звонку, тишина кажется неестественной для столь «бойкого места».

— Устали?

— По нагрузке сегодняшний спектакль — средний, — улыбается Савелий Борисович. — Вот когда причесываем «Годунова», тогда у нас настоящая заларка.

К спектаклю «Борис Годунов» коллектив мужской гримерной готовит три-четыре дня. Только одних париков бояр, крестьян, попов нужно причесать 400 штук!

Еще вот про такое мне рассказали. Когда шли оперы «В бурю», «Октябрь» и Савелий Борисович делал грим В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, работники театра, артисты, не занятые в спектакле, приходили посмотреть на работу мастера. Рождался портретный грим В. И. Ленина, и в гримерной воцарялась тишина...

«Прошу внимания...»

«...хотелось бы назвать имя Натальи Федоровны Финской, бывшей танцовщицы, прошедшей с белорусским театром почти весь его длинный и трудный путь. «Ведет спектакль Н. Ф. Финская» — эти слова напечатаны во всех балетных программах театра».

Из книги Ю. Чурко «Белорусский балетный театр».

...Наталья Федоровна стояла возле пианино и чуть хрипловатым голосом говорила:

— Когда мне нелегко, играю Бетховена, грущу — Шопена, Григ помогает снять усталость...

В ее небольшой квартире — множество книг, миниатюр, выполненных самой хозяйкой с помощью резца, лобзика, выжигательного аппарата, красок и лаков...

Знакомилась с ней, разговаривала я в гостиных, дома у нее: на работе не поговоришь.

Место «вахты» ведущей спектакль — пульт за одной из кулис. Отсюда налажена прямая связь с рабочими сцены, осветителями, оркестром. Здесь находятся кнопки звонков, телефон, сценический журнал, куда ведущая вносит замечания по спектаклю, оперный клавиш или хореографическая запись постановки. Клавиш Наталья Федоровна читает свободно, а хореография — это и вовсе родное: двадцать шесть лет танцевала на этой сцене. А всего отдала ей пятьдесят лет своей жизни.

Сегодня в Большом театре — спектакль «Кармина Бурана». Без нескольких минут семь вечера... Наталья Федоровна взглянула на часы, взяла в руку микрофон:

— Товарищи артисты, оркестр, прошу внимания. Приготовились к началу. Гасим зал... Свет — на хор...

Спектакль новый, и ведущая постоянно смотрела в записи, напоминала рабочим сцены, в каком темпе поднять или опустить очередное декорационное полотно, буквально каждые две минуты обращалась к электрикам-осветителям. Нине Ивановичей и Людмиле Кунаш — за 70 минут этого сценического действия световая палитра меняется 37 раз!

— Девочки, дайте красивые световые прострелы! Ребята-ваганты, прошу на сцену, не задерживайтесь. Медленно пошел занавес... Еще медленнее... Стоп... Приготовились к полному свету. Внимание... Все горит!

А когда действие закончилось, и гремели аплодисменты, когда счастливые артисты, одаренные цветами, снова и снова пробегали мимо нас на сцену, Наталья Федоровна устало говорила мне:

— Сложный спектакль. Но зато каждое движение в нем исполнено смысла.

И. СИМОНОВА.